

Фэн Сяобао гордо заявил: «Мне ещё и двадцати нет, но я с детства по рынкам бегал — красавиц каких только не видывал: и южанок, и из знатных домов, и с Западного края, и из Силлы, Когурё, Пэкче, мохэ... Но ни одна не сравнится с государыней-матушкой. По-моему, такая красота среди смертных — редкость. Если она не божество, то разве что сам Будда. Но у Будды женского облика нет, стало быть, точно божество».

Бесстыдник.

Ваньэр мысленно выругалась и украдкой взглянула на императрицу У. В молодости та и впрямь была красавицей, а теперь, хоть годы и взяли своё, обрела больше шарма. Красавицей её назвать можно, но утверждать, будто она всех рыночных красавиц превосходит, — уже смешно. Да и как можно государыню-матушку с какими-то заезжими служанками из Силлы или невольницами мохэ равнять?

Неужели императрица, при всей своей мудрости, лести не распознаёт?

Увы, не распознала.

Ваньэр с досадой смотрела, как императрица беседует и смеётся с Фэн Сяобао, и наконец не выдержала, осторожно напомнила: «Уже поздно, завтра обычный приём... Государыня, может, отдохнёте?»

А-Цин взглянула на неё и бесстрастно произнесла: «Закат».

Императрица с лёгким сожалением посмотрела на Фэн Сяобао и улыбнулась: «Поздно уже. Возвращайся. В другой раз снова позову. Гао Яньфу, проводи его, да выбери два отреза парчи — пусть себе одежду сошьёт».

Гао Яньфу, находившийся в соседнем помещении, отозвался, вошёл и лично проводил Фэн Сяобао.

Когда тот удалился, императрица, всё ещё улыбаясь, поднялась, сделала несколько шагов и снова тихонько рассмеялась: «Забавно он говорит».

Ваньэр вспомнила, как тот размахивал руками и брызгал слюной, и внутренне усмехнулась, но на лице сохранила улыбку: «Раз он своей силой хвалится, почему бы государыне не разрешить ему на охоту поехать? Посмотрим, чего он стоит».

Императрица остановилась и, глядя на Ваньэр с улыбкой, сказала: «Идея хороша... Передай, чтобы его куда-нибудь пристроили. Если и вправду силён, может, и пригодится».

Слово «пригодится» вновь вызвало у неё улыбку. В Ваньэр закипело раздражение, но она лишь слегка склонилась и почтительно ответила: «Слушаюсь».

После переезда столицы матушка, желая явить величие новой столицы, развернула грандиозное строительство: расширила городские стены, дворцы и парки, не обойдя вниманием и парк Шэньду. Но теперь лес оглашался шумом и гамом, повсюду были люди да лошади, все — родня, так что то один у другого добычу отнимет, то другой чьих-то собак или коней испугнёт. Бывало, встречались и мирно, но свита у всех многочисленная, слово за слово — ещё не спор, а уже на спор похоже. По правде говоря, охотничьи угодья вокруг парка тянулись на десятки ли, и наши отряды, хоть их и сотни, могли бы разместиться свободно. Да

только охота эта была не настоящей весенней охотой, а забавой в честь матушкиного дня рождения. Все ждали возможного вызова, поэтому далеко не уходили, да и дичь в основном в ближних лесах держалась. В итоге на несколько ли леса набилось не меньше тысячи человек да коней.

Сначала я опасалась, как бы какого подлого удара из-за угла не случилось, но, едва въехав в лес, была оглушена царившей там суматохой. Вокруг — люди, лошади, соколы, псы, никакой дичи не видно. Вдруг из чащи выскакивает заяц — и мгновенно его шесть-семь стрел насквозь пронзают. Тут же три охотничьих пса бросаются подбирать добычу. Псаря между собой вежливы, а псы — ошетились, слюни текут, лают неистово.

Хулюй Добао склонила голову в мою сторону: «Принцесса, дальше поедem или сменим место?»

Я горько усмехнулась: «При такой-то ситуации — какая уж тут охота?»

Она же, напротив, серьёзно задумалась, даже достала из сумки карту на овечьей шкуре, ткнула в одну точку и пояснила: «Они гонят дичь с северо-запада сюда, охватывая с трёх сторон, а мы должны подъезжать с востока и юга. Но народу, я гляжу, больше всего как раз там. Наверное, там дичи и впрямь больше всего. Если принцессе неохота в толчею, можно на юго-запад податься — может, какая зверушка, что ускользнула, попадётся».

Рассуждения её были здравы — не будь они таковыми, я бы всё равно не поняла. Я кивнула, но с любопытством поглядела на карту у неё в руках: «Это геомантическая карта? Неужто в войсках уже такие есть? У каждого экземпляра?» Если у каждого — весьма прогрессивно.

Она усмехнулась и протянула карту мне: «Не геомантическая, просто рельеф набросан, чтобы ориентироваться. И не у каждого. У Всадниц Мулан такая привычка: перед любым делом простую карту рисовать, чтобы расстановку сил объяснять было легче».

Взглянув на карту, я увидела, что рельеф изображён весьма схематично, да и пропорции никуда не годятся. Уже собралась указать на это Хулюй Добао, но вспомнила: в армии, возможно, не обучали ни геомантике, ни грамоте, так что нарисовать такое — уже достижение. Потому не стала спрашивать, вернула карту и сказала: «Значит, на юго-запад». А-Хуань уехала раньше меня, и где она теперь — неизвестно. Хотелось её найти, но неудобно было напрямую спрашивать, потому ехала неспеша, поминутно оглядываясь. Не проехала и ли, как услышала сзади топот копыт. Обернулась: А-Хуань с десятком всадников мчится прямо на меня. Подскакав вплотную, она резко осадил коня, запыхавшись и смеясь: «Какая встреча, Тайпин! И ты здесь!»

На ней была тёмная шляпа с вуалью, отчего она казалась старше, но сейчас вуаль она подобрала, и лицо полностью открылось, сразу посвежев. Увидев это лицо, я невольно улыбнулась и тоже вуаль приподняла: «Какая встреча, А-хун! Ну что, добыча есть?»

Она улыбнулась и кивнула назад. Слуга-иноземец с корзиной подбежал: внутри уже лежали заяц и фазан. Я с некоторой завистью посмотрела на неё: «Полагала, они уже всё перебили, а оказывается, ещё осталось».

Хулюй Добао заглянула в корзину, хотела что-то сказать, но промолчала. А-Хуань же, не таясь, весело пояснила: «Ци-ван и Чжоу-гогун за первое место спорят, слуги ихним господам помогают — добычу друг у друга отнимают. Там подрались. Гляжу, дерутся — охотиться им некогда, вот я поблизости мелкую дичь и постреляла. На, одного тебе».

Вот почему она меня не ждала — оказывается, чужую добычу собирала. Стычки слуг — дело

тёмное, никто огласке не предаст, так что даже олень бы безнаказанно прибрала, не то что мелкого зверя. Но всё же дело не слишком благородное, потому она и поспешила ретироваться. Представив, как две стороны дерутся, а А-Хуань рядом невозмутимо добычу прибирает, я не сдержала улыбки. А она, видя мою улыбку, сама сияла от гордости, хвастаясь трофеями. Не понимая, чему я смеюсь, она всё же покосилась на меня и спросила, куда я путь держу.

Я слово в слово пересказала слова Хулюй Добао. А-Хуань же разбиралась лучше меня, взяла карту, взглянула и, усмехнувшись, сказала Хулюй Добао: «Это специально неточно нарисовано, чтоб если карту перехватят, вашу расстановку не вычислили, да?»

Хулюй Добао усмехнулась, подтверждая догадку, и спросила А-Хуань: «Похоже, госпожа часто на охоту выезжает?»

А-Хуань скромно ответила: «Так, немного знаю, ничего особенного».

Хулюй Добао рассмеялась: «Госпожа скромничает. За такое короткое время место верное найти да двух зверей подстрелить — это не "немного"».

А-Хуань, польщённая, просияла ещё brighter, но на словах осталась скромной: «Мне просто повезло, куда уж мне до вашего умения окружения устраивать да сети расставлять».

Хулюй Добао уже собиралась ответить, но я, почувствовав себя обделённой, направила коня между ними, оттеснив Хулюй Добао: «Охотница А-хун и вправду искусна — особенно в том, чтобы попасть, когда хочет, и промахнуться, когда не хочет. Так, А-хун?»

А-Хуань, вспомнив бывшее, бросила на меня неодобрительный взгляд: «Ты сзади не подъезжай, а то лошадь лягнёт».

Я парировала: «Конь у начальника отряда Хулюй смирный, не лягнет».

Она ответила: «Я про свою». Затем вдруг подмигнула: «Давно не скакали — посостязаемся?» Не дожидаясь ответа, она взмахнула хлыстом и рванула вперёд. Я не успела её остановить и помчалась следом. Наши кони в отряде были лучшими, и вскоре мы оставили слуг далеко позади, а через мгновение те и вовсе скрылись из виду.

<http://bllate.org/book/16278/1467225>